

«ПРОСТО МОЛОДОЙ ТУРИСТ В НАШЕЙ СТРАНЕ»:
ЛИНГВИСТ И АНТРОПОЛОГ НЕЗ-ПЕРС АРЧИ ФИННИ

Игорь Валерьевич Кузнецов

Индианский университет в Блумингтоне
107 S Индиана-авеню, Блумингтон, США
ikuznet@iu.edu

А н н о т а ц и я: Родившийся в городке Калдесак (штат Айдахо) нез-перс Арчи Финни стал первым индейцем, получившим степень бакалавра в Канзасском университете; сотрудничал с известными антропологами из Смитсоновского института Дж.Н.Б. Хьюиттом, Т. Майклсоном и великим Ф. Боасом; приехал по приглашению В.Г. Богораз на стажировку в Ленинград; защитил кандидатскую диссертацию в Институте антропологии, археологии и этнографии (МАЭ); вернулся и служил «индейским агентом» в резервациях США. Стажировка А. Финни в СССР пришлась на тяжелый, но очень важный период в истории советской этнографии, когда она еще не окончательно закрылась и воспринимала влияния, идущие от школы Боаса. Вместе с тем через Финни и других подобных ему американских исследователей, посетивших в это время Советский Союз, советская практика «коренизации» оказала влияние на либеральный «индейский новый курс» Дж. Колльера, в бытность которого на посту уполномоченного Финни сотрудничал с Бюро по делам индейцев. Сегодня после некоторого забвения фигура Финни снова привлекает интерес. Департамент антропологии Университета Айдахо в Моску занимает здание, носящее его имя. Статья основана на изучении эпистолярного наследия Ф. Боаса — его переписки с А. Финни, В.Г. Богоразом, Ю.П. Аверкиевой, Р. Бартоном и др., хранящейся в Американском философском обществе (Филадельфия). Привлекаемые материалы, позволяющие представить общую атмосферу в советском академическом сообществе в 1930-е гг., до сих пор малоизвестны русскоязычному читателю.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Арчи Финни, лингвистическая антропология, история науки, Ф. Боас, В.Г. Богораз, советско-американские контакты, Ю.П. Аверкиева, нез-перс, коренные малочисленные народы, Бюро по делам индейцев.

Б л а г о д а р н о с т и: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00159); организация, осуществлявшая финансирование, — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯЗ РАН).

Д л я с с ы л о к: Кузнецов И. «Просто молодой турист в нашей стране»: лингвист и антрополог нез-перс Арчи Финни // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 53–83.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-53-83

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/kuznetsov.pdf>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ, 2020, NO. 47

“JUST A YOUNG TOURIST IN OUR COUNTRY”:
ARCHIE PHINNEY, A NEZ PERCE LINGUISTIC ANTHROPOLOGIST

Igor V. Kuznetsov

Indiana University, Bloomington
107 S Indiana Av., Bloomington, IN, USA
ikuznet@iu.edu

A b s t r a c t: Born in Culesac, ID, Archie Phinney, a Nez Percé, was the first Native American to receive an undergraduate degree from the University of Kansas. He collaborated with prominent Smithsonian anthropologists J. N. B. Hewitt and T. Michelson as well as the great Franz Boas; visited Leningrad after being invited by Vladimir Bogoras in the context of an academic exchange program; defended his candidate thesis at the Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography (MAE); and returned to serve as an Indian agent in different reservations in the USA. The USSR scholarship of Phinney fell on a difficult yet crucial period in the history of Soviet ethnography, when it was not yet completely closed and remained receptive to the influences of Boas' School. Through Phinney and other American researchers like him, who visited the Soviet Union at that time, the Soviet practice of “indigenization” had a reverse effect on J. Collier's liberal Indian New Deal. Phinney collaborated with the Bureau of Indian Affairs, when the latter was on the Indian Commissioner's post. Today, Phinney's figure again attracts interest after some oblivion. The department of anthropology at the University of Idaho, Moscow, occupies a building named in his honor. The scope of the paper is based on the Boas Paper collection — his correspondence with Phinney, Bogoras, Averkieva, Barton and others, stored at the American Philosophical Society, Philadelphia. The analyzed materials, representing the general atmosphere in the 1930s Soviet academic community, are still little-known to the Russian-speaking reader.

Key words: Archie Phinney, linguistic anthropology, history of science, Franz Boas, Vladimir Bogoras, Soviet-American contacts, Julia Averkieva, Nez Percé, indigenous minority peoples, Bureau of Indian Affairs.

A c k n o w l e d g e m e n t s: This research is supported by The Russian Science Foundation (Project no. 20-18-00159); the financing organization is The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

T o c i t e: Kuznetsov I., “Prosto mladoy turist v nashey strane”: lingvist i antropolog nez-pers Archi Finni [“Just a Young Tourist in Our Country”: Archie Phinney, a Nez Percé Linguistic Anthropologist], *Антропологический форум*, 2020, no. 47, pp. 53–83.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-53-83

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/kuznetsov.pdf>

Игорь Кузнецов

«Просто молодой турист в нашей стране»: лингвист и антрополог нез-перс Арчи Финни

Родившийся в городке Калдесак (штат Айдахо) нез-перс Арчи Финни стал первым индейцем, получившим степень бакалавра в Канзасском университете; сотрудничал с известными антропологами из Смитсоновского института Дж.Н.Б. Хьюиттом, Т. Майклсоном и великим Ф. Боасом; приехал по приглашению В.Г. Богораз на стажировку в Ленинград; защитил кандидатскую диссертацию в Институте антропологии, археологии и этнографии (МАН); вернулся и служил «индейским агентом» в резервациях США. Стажировка А. Финни в СССР пришлась на тяжелый, но очень важный период в истории советской этнографии, когда она еще не окончательно закрылась и воспринимала влияния, идущие от школы Боаса. Вместе с тем через Финни и других подобных ему американских исследователей, посетивших в это время Советский Союз, советская практика «коренизации» оказала влияние на либеральный «индейский новый курс» Дж. Колльера, в бытность которого на посту уполномоченного Финни сотрудничал с Бюро по делам индейцев. Сегодня после некоторого забвения фигура Финни снова привлекает интерес. Департамент антропологии Университета Айдахо в Москву занимает здание, носящее его имя. Статья основана на изучении эпистолярного наследия Ф. Боаса — его переписки с А. Финни, В.Г. Богоразом, Ю.П. Аверкиевой, Р. Бартоном и др., хранящейся в Американском философском обществе (Филадельфия). Привлекаемые материалы, позволяющие представить общую атмосферу в советском академическом сообществе в 1930-е гг., до сих пор малоизвестны русскоязычному читателю.

Ключевые слова: Арчи Финни, лингвистическая антропология, история науки, Ф. Боас, В.Г. Богораз, советско-американские контакты, Ю.П. Аверкиева, нез-перс, коренные малочисленные народы, Бюро по делам индейцев.

Родившемуся в Айдахо, в небольшом городке с говорящим названием Тупик (Culdesac), на 5/8 индейцу нез-перс по имени <Karlat-silpilr> суждено было стать не просто одним из боасовских информантов, но и редким профессиональным туземным антропологом и вообще известнейшим коренным американцем своего времени. Его мать, Wâyí'látru, в официальных документах Мэри Лили, числилась в племени нез-перс, или нэ-персэ (Nez Percé Tribe), и была отмечена федеральной переписью 1920 г. как монолингв, толком еще не знавшая английского. Отец, Фитч Финни, располагавший аналогичным племенным членством, приходился, однако, в такой же точно мере прямым потомком (внуком) Уильяму Финни и полковнику Биллу Крэгу — двум белым первопоселенцам долины Клируотер, которые женились в свое время на индейках нез-перс. 4 сентября 1904 г. (по другой версии 1903 г.) у Мэри и Фитча родился сын, унаследовавший фамилию отцовской линии — Арчибальд Марк Финни. Он окончил (1923) не миссионерский резервационный интернат, а обычную среднюю школу в Лапуэй для нез-перс и белых, после чего суперинтендант Оскар Липпс

Игорь Валерьевич Кузнецов
Индианский университет,
Блумингтон, США
ikuznet@iu.edu

выхлопотал для него возможность бесплатно поступить и обучаться в Канзасском университете [Willard 2004: 5–6].

Начало полевой работы. Шапвайилутская семья языков

В 1926 г. Финни окончил университет со степенью бакалавра социологии и отправился в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы, как и многие образованные индейцы, служить мелким клерком в правительственном Бюро по делам индейцев (БДИ). Здесь же, в столице, он начал сотрудничать с учеными — Трумэном Майклсоном и Джоном Н.Б. Хьюиттом, которые представляли Бюро американской этнологии при Смитсоновском институте. Они также вели курсы в Университете Джорджа Вашингтона.

Для полукровка-тускарора Хьюитта Финни, в те годы предпочитавший зваться Марком, служил и сотрудником, и информантом, поскольку знал язык матери. В частности, сохранились две их рукописные совместные работы [NAA, ms. 2338; ms. 2339], посвященные в том числе обоснованию необходимости выделения новой языковой семьи — шапвайилутской (Shapwailutian) — из шахаптинских (или сахаптинских) языков, включая нез-перс, вайилатпу (кайюс, молала) и лутуами (кламат, модок). Сейчас, когда у нового поколения американистов явно поубавилось оптимизма по части широких лингвистических обобщений, весь упомянутый массив предпочитают уклончиво обозначать как «пенутийские языки Плато» (Plateau Penutian). Судя по всему, именно в то время в голове у А. Финни созрел план составить первую полную научную грамматику нез-перс — цель, которой он посвятит себя позже.

Интересно, что уже в июне 1927 г. Финни написал письмо Францу Боасу в Колумбийский университет: «Я мог бы помочь в Вашем департаменте в изучении индейского языка в моей особой сфере и мог бы учиться под Вашим руководством в одном из Ваших классов» [Willard 2004: 6]. Благодаря удивительному отношению Боаса к собственному эпистолярному наследию от переписки его с Арчи Финни, длившейся до 1935 г., осталось около полусотни писем, возможно, все или почти все.

Ответ Боаса, мягко говоря, не производит впечатление слишком приветливого и любезного. Тем не менее Арчи решил показаться антропологу лично и сорвался с места, уволившись из БДИ. Судя по всему, план сработал, Боас заинтересовался его персоной и начал искать фонды. Так, 18 марта 1929 г. (у Уилларда ошибочно — 1919 г.) мэтр оставил для себя памятку: «Он достаточно умен и обладает прекрасными знаниями. Пытаюсь обучить его, чтобы он стал исследователем, особенно его соб-

ственного племени. Думаю, смогу найти средства для его поддержки в течение следующего года» [Willard 2004: 7].

В 1927–1929 гг. А. Финни учился в Нью-Йоркском университете и, несмотря на то что на протяжении всего своего нью-йоркского периода фактически являлся боасовским помощником, лишь на семестр был зачислен студентом в Колумбийский университет, так и не получив там никакой степени. Средства, которые упомянул Боас, были найдены через Комитет по изучению американских индейских языков, в котором доминировали боасовские сторонники и ученики, такие как Э. Сэпир и Л. Блумфилд. Было выхлопотано 1,2 тыс. долл. (!) на 5,5 месяцев полевой работы в Стране нез-перс и долине Клируотер [Willard 2000b: 237; 2004: 7].

Ранней осенью 1929 г. Арчи Финни вернулся в родной Калдесак. Осмотревшись, он уведомил Боаса, что единственный признанный авторитет по языку нез-перс, преподобный Джозеф (Джузеппе) Катальдо, умер в прошлом году. Правда, в этих местах остается еще второй миссионер, Корнелисен, который, по слухам, знает язык даже лучше [AP/FB 25.9.1929]. Надо полагать, эта полевая работа вблизи от дома не только означала для него занятость и заработок, но и приносила моральное удовлетворение. Так, он восхищенно пишет о преимуществах оригинального стиля, которым обладают индейские рассказчики [AP/FB 20.11.1929]. Сейчас известно, что у Арчи Финни было лишь два информанта нез-перс: кроме его собственной матери, еще один, оставшийся инкогнито [Willard 2004: 7].

Однако уже на следующий год у Боаса созрел новый план, результатом которого стало путешествие Финни в Россию — самое затянувшееся и опасное его приключение, эхом отозвавшееся на всей будущей жизни. План этот включал превращение индейского сотрудника в настоящего прикладного антрополога: руководство БДИ могла заинтересовать запись в портфолио Финни об ознакомлении его с опытом советской политики в отношении коренного малочисленного населения Сибири.

Американцы в МАЭ

В мае 1931 г. в Ленинград вернулась молодая исследовательница Юлия Павловна Аверкиева, проходившая в Барнард-колледже стажировку и под конец съездившая в экспедицию на о. Ванкувер вместе с Боасом, для него последнюю. Оживившись, русско-американские контакты в антропологии требовали продолжения. В.Г. Богораз, бывший участник прославленной Джебуповской экспедиции, остававшийся лидером советской этно-

графии (о его тесных контактах с «отцом-основателем антропологии» и всех трагических разворотах этой дружбы уже писалось, см.: [Krupnik 1996; Кан 2007] и др.), убедил директора Музея антропологии и этнографии Н.М. Маторина написать Боасу письмо, что тот и сделал: Арчи Финни готовы были зачислить в музей «аспирантом», а по итогам он должен был написать кандидатскую диссертацию [Willard 2000b: 238, 240].

Согласования и приготовления А. Финни к намечавшейся поездке в Ленинград растянулись примерно на полтора года. Американскую сторону смущали условия его пребывания в СССР, вернее отсутствие всякой проработанности таковых. У российской стороны до начала сентября 1931 г. не было прямого контакта с возможным стипендиатом, и связь поддерживалась исключительно через Боаса. Последний в ходе переписки с Ю.П. Аверкиевой [JA/FB 8.8.1931, 14.8.1931, 7.9.1931] узнал о намерении Н.М. Маторина послать в Америку еще кого-то из русских, якобы в обмен на Арчи, хотя, как отмечалось выше, там уже принимали Юлию Павловну.

Теперь мы знаем, что второй русской студенткой по обмену могла стать Л. Надежина. Обычно полагают, что у нее ничего не получилось, потому что ни в США, ни в СССР больше не нашлось фондов [Willard 2000b: 238]. Но, как установил А.В. Антошин, выпускница Высших женских курсов в Киеве, проучившаяся несколько лет в Римском университете, Лидия Надежина-Крынкина (1892–1977) и так уже проживала в Нью-Йорке, регулярно печаталась в просоветской газете «Русский голос», однако остро нуждалась в средствах. Инициатором ее продвижения надо считать Богораза, с которым она действительно поддерживала отношения. Во всяком случае архив искусствоведки Надежиной в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса содержит примечательное богоразовское письмо, датированное сентябрем (1929 г.):

В Москве мало веселого. Луначарского убрали, т.к. он, очевидно, не в состоянии осуществить «культурную революцию». <...> В декабре или январе сократят и наличный состав членов Академии на добрую половину. Ожидая этого спокойно, ибо на все это гляжу как на законный и естественный ход «исторического развития». Стал диалектиком! [Антошин 2012: 158].

Оно дополняет едкой деталью образ лояльного «сов. служащего», каким многим должен был казаться Владимир Германович — бывший революционер и каторжанин, не боявшийся «скормить фунт крови вшам», а теперь «грузный, тучный» [Гаген-Торн 1971: 140] декан этнографического отделения на геофаке ЛГУ и такого же отделения в ЛИФЛИ, член президиума всех президиумов и директор выполнявшего правительствен-

ный заказ Музея истории религии, т.е. человек, вполне приспособившийся к жизни при «отце всех народов».

Всего за полгода до этого состоялось известное совещание этнографов Москвы и Ленинграда, закончившееся победой официальной доктрины, в то время в форме марризма, над всеми «буржуазными» течениями в социальных науках (см. об этом: [Алымов, Арзютов 2014]). Увы, этот переход от «классиков к марксизму» обернулся не только сокращением Академии наук «на добрую половину», но и колоссальной людской трагедией, которая не могла не затронуть ближайшее окружение Богораза и его лично.

Вернемся к американской кандидатуре. Маторин нервничал и телеграфировал свой вопрос Боасу: «Пошлете Финни обучаться Ленинград Академию октябре» (“Will You Send Phinney Study Leningrad Academy October”) [NM/FB 31.10.1931]. А затем, не дождавшись, отправил еще одну телеграмму, предназначавшуюся непосредственно Арчи (получил ее также Боас): «М-р Финни телеграфируйте прибытие» (“Mr. Phinney Wire Arrival”) [NM/FB 22.11.1931]. Аверкиева по просьбе Маторина тоже подготовила и послала официальное письмо, написанное местами совсем уж сердито:

Здесь, могу заверить Вас, условия его будут неплохими. Аспирант Академии науки [забыла окончание мн. числа. — И.К.] — не последний человек, и условия его не так уж плохи [ежемесячно 200–250 руб., что близко к средней зарплате. — И.К.]. Я удивлена его волнениями об условиях его пребывания здесь, они совершенно неуместны [JA/FB 4.5.1932].

Параллельно Боас пытался обратить внимание БДИ на успехи своего протеже, написав 31 декабря 1931 г. в Вашингтон тогдашнему комиссару по индейским делам Чарльзу Роудсу:

Не будете ли Вы настолько добры, чтобы на следующей неделе уделить несколько минут Вашего времени молодому индейцу нез-перс Арчи Финни, который изучает у меня антропологию, но более интересуется практическими проблемами, стоящими перед индейцами <...>. Благодаря моим отношениям с антропологами [букв. to the anthropological work] Академии наук в Ленинграде, так сложилось, что он получил приглашение изучать проблемы, связанные с сибирскими туземцами, которые во многих областях совершенно аналогичны проблемам наших индейцев. Я чувствую, что ознакомление с гуманным духом <...> и фактическим решением этих планов может <...> сделать его особенно полезным после его возвращения [Willard 2004: 10].

А 26 мая Арчи уже писал Боасу, договариваясь о встрече «через день или два», которую им должна была устроить «мисс Брайан»

(секретарша Боаса) [AP/FB 26.5.1932]. Писал он и о каких-то транспортных расходах и суммах, связанных с пребыванием в Колумбийском университете грядущей осенью, однако отъезд за океан все-таки состоялся, и осенняя непогода настигла его уже не в Городе Большого Яблока, а в Северной Пальмире.

У. Уиллард упоминает еще об одном важном документе этого периода, увы, нам не доступном, — письме Маторина, написанном по-немецки и адресованном “Herrn Professor Franz Boas, Hochgeehrter Herr Professor”. В нем, наряду с прочим, приводился список всех англоговорящих, с кем Арчи мог бы общаться по приезду, включавший уже знакомую нам Ю.П. Аверкиеву, а также “der Herren Barton und Gonik aus California” (так в оригинале). Об этих последних ничего больше не сообщалось, из чего Уиллард делает вывод, что Боас знал их лично [Willard 2004: 11]. Но это верно лишь наполовину.

Рой Бартон, выдающийся ученый (о его научном вкладе см.: [Stanyukovich 2004; Prill-Brett 2019]), был тем не менее алиментщиком и бежал в СССР по поддельному паспорту, скрываясь от решений Калифорнийского окружного суда. Ф. Боас и А.Л. Крёбер дважды писали ему рекомендации в Фонд Гугенхайма, и один раз он действительно получил грант на экспедицию в Северный Лусон (Филиппины). Так что Р. Бартон, несомненно, был известен Боасу, о чем свидетельствуют архивы обоих. Этот профессиональный дантист и этнограф-самоучка прожил в Советской России десять лет (1930–1940), выезжая лишь раз, в 1937 г., на Филиппины. В своих письмах он зачастую словоохотлив, а порой и ироничен. Позже сам Бартон признавал, что сотрудничал с НКВД начиная по крайней мере с 1937 г. Отправившись в 1940 г. снова на Филиппины, он попал в плен к японцам и три года провел узником в лагере Лос-Банос, пока его не вызволили оттуда американцы. На родине Бартон работал сначала в Беркли, а затем в Чикагском университете [Price 2004: 24].

Второй из списка, Эмануэль Гоник (Gonik или Gonick), — куда более загадочная фигура, по происхождению, возможно, из русских евреев, ставших двуязычными в Америке. В главном органе этнографов СССР В.Г. Богораз пишет о нем следующее:

Молодой американский научный работник тов. Эммануил Гоник, бывший ученик проф. Кребера в Калифорнии и ныне работающий в СССР, свидетельствует о том, что эта безотрадная постанова этнографической работы [пресловутые боасовские скепсис и партикуляризм. — И.К.] приводит молодых начинающих ученых к полному унынию и рождает в них сознание бесплодности всей их научной работы. <...> Тов. Гоник сообщает далее, что часть молодых ученых восстает против

бессистемной работы с ее безотрадными выводами [Богораз-Тан 1933: 189].

Фамилия Гоника действительно упомянута среди второкурсников (sophomore) — стипендиатов Колледжа литературы и науки (Letters and Science) 1927/28 уч.г. в Окленде, штат Калифорния [UC Bulletin 1927: 110]. Легко вычислить, что он должен был поступить в Калифорнийский университет в 1926 г. и окончить его в 1929 г., т.е. прямо перед тем как «восстал против бессистемной работы». У. Уиллард выяснил: накануне прибытия Арчи Финни Э. Гоник уже жил в Ленинграде, затем перебрался в Москву, где работал в англоязычном пропагандистском органе “Moscow Daily News” у американки-сталинистки Анны Луизы Стронг, но в 1936 г. смог уехать оттуда в Америку [Willard 2004: 12]. Ни одного его письма Боасу или каких-либо других свидетельств их знакомства не обнаружено.

Арчи Финни пополнил компанию американцев, заброшенных судьбой на берега Невы, где-то в начале ноября 1932 г. С собой он вез рекомендательное письмо работавшей на Коминтерн американской марксистки Агнес Смедли [Balthaser 2016: 4–5; 2018: 261], среди приятелей которой значился советский разведчик Р. Зорге. 13-го числа, достигнув пункта назначения, трансатлантический пассажир сообщил в Нью-Йорк:

Несколько дней назад я приехал в Ленинград. <...> Когда я прибыл сюда, представители музея были очень дружелюбны ко мне. Несмотря на тот факт, что меня ожидали несколько дней, не было осуществлено никаких договоренностей относительно того, чтобы здесь появилось жилье и питание. Дела здесь невозможно решать по переписке, они предпочитают оставить это на потом, а не сделать заранее. <...> С другой стороны, они (г-н Маторин и другие из академии) очень любезны тем, что развлекают меня [AP/FB 13.11.1932].

В МАЭ много и долго будут говорить по поводу этих развлечений. А.М. Решетов в своем очерке о Маторине мимоходом ссылается на сплетни про роман члена племени Проткнутых Носов с родственницей директора, принимавшего приезжего иностранца у себя дома [Решетов 2003: 172].

Далее Арчи, очевидно переживавший культурный шок, пишет еще об одной характерной черте образа жизни Страны Советов: «Они устраивают бесчисленные собрания — студенческие собрания, собрания преподавателей. Я побывал уже на полудюжине, и они часами рассуждают о планах». Впрочем, концовку своего письма он предпочитает смягчить шуткой:

Мой доступ к русской этнографии обеспечат двое постоянных сотрудников [positions] — Морган и Маркс. Кажется, я внезапно

погрузился в функционирование и практические аспекты этой новой методологии. Полагаю, буду продолжать растерянно смотреть на Россию, пока не получу свои пролетарские очки [proletarian glasses] [AP/FB 13.11.1932].

Это послание единственное, где прорвались откровения Финни, «порочащие советскую власть». Уже в следующем декабрьском письме он предупредил Боаса, что почту просматривают [AP/FB 26.12.1932], и вся последующая их коммуникация лишилась тех имен, местных названий и прочих красочных подробностей, которыми, например, переполнена корреспонденция Роя Бартона.

Тексты нез-перс

Судя по всему, к концу 1932 г. Финни возобновил работу по подготовке к публикации текстов нез-перс, прерванную внезапным отплытием из Нью-Йорка, и 26 декабря отослал в Германию, где Боас собирался их печатать, 360-страничную рукопись, предприняв при этом некие «приготовления, чтобы посылка прошла по почте без обычных задержек и обыскивания» [AP/FB 26.12.1932].

В начале 1933 г. на юбилей академика С.Ф. Ольденбурга в Ленинград приехал из Парижа профессор С. Леви, директор Индийского института. Он хотел было предложить ученым СССР установить академические связи с французскими, но движимый революционным энтузиазмом Н.М. Маторин похвастался — в МАЭ уже работают целых три американских этнографа [Решетов 2003: 190, примеч. 127]. Удивительно, но буквально в тот же день (4 февраля) Ю.П. Аверкиева отослала Боасу весточку с парой скупых фраз о том, как обстоят дела у его индийского сотрудника:

У Арчи все идет хорошо, у него здесь есть товарищ, американский парень, тоже антрополог, из Калифорнии. Конечно, у Арчи огромные трудности с русским, но наши аспиранты, живущие с ним в одном доме, его учат [JA/FB 4.2.1933].

Наиболее вероятно, что под «антропологом из Калифорнии» подразумевался Э. Гоник. Сквозь строчки снова проступило какое-то ревностное отношение к Арчи, хоть «папа Франц» и рассчитывал на сочувствие и большую внимательность в этом вопросе со стороны своей бывшей студентки: «Надеюсь, он выучит русский и справится. Вы сможете понять его проблемы, если вспомните о Ваших собственных в течение Вашего первого года здесь» [FB/JA 6.12.1932]. Тем более что и теперь еще «Джули» продолжала писать *riting* вместо *writing*, *kleaning* вместо *cleaning*, а также *becouse*, *helpfyl*, *frend*, *stadying* и т.п. [Кузнецов 2006: 157–158].

Весь 1933 год корректура будущей книги индейского этнографа порциями пересылалась из Нью-Йорка и Глюкштадта, где была расположена типография “J.[acob] J.[ohann] Augustin”, в Ленинград и обратно. К маю Финни выдохся: «[М]атериала больше, чем я оценивал. Вместо пяти или шести сот страниц <...> больше тысячи» [AP/FB 22.5.1933]. Летом он сделал для себя паузу, пустившись путешествовать, но не по Сибири, а в края потеплее, отступая, таким образом, от изначального плана. Скорее всего, эта первая его поездка на юг и Кавказ заняла июнь и еще часть июля — 16 июля он уже писал из Академии наук: «Я только что прибыл» [AP/FB 16.7.1933]. Вполне возможно, что где-то в районе Кавминвод располагался и санаторий, в котором Арчи провел какие-то недели в сентябре [AP/FB 4.10.1933]. И как только он успел отрапортовать о возвращении оттуда, Ю.П. Аверкиева, плохо скрывая раздражение, решила со своей стороны поставить Нью-Йорк в известность:

Я не совсем уверена, что в этом году будет делать Арчи. Мы уже начали занятия, а он бродит где-то по Кавказу и еще не подавал признаков своего существования. Конечно, в прошлом году он не мог особо работать, также по причине своего языка, который продвигается очень медленно из-за его американского друга, с которым он все время говорит по-английски и который теперь еще и его переводчик [JA/FB 9.10.1933].

Аналогичные вояжи будут повторяться. Сохранилась фотография, на которой два симпатичных молодых человека, очевидно Финни и Гоник, позируют на фоне клумбы и пальм в Кисловодске [Balthaser 2018: 264]. Снимок датирован 7 ноября 1933 г., и об этой своей поездке на курорт стажер ни словом не обмолвится Боасу. Так что Юлия Павловна, возможно, отчасти и права, подозревая, что Арчи порой просто отлынивал от выполнения своих обязанностей.

Но не все так прямолинейно. Усталость от монотонной работы, требующей напряжения и усидчивости, которых, похоже, не доставало автору рукописи, многократно умножали промозглые северные ветры. Акклиматизация Финни шла очень тяжело. Более здоровый континентальный Айдахо, конечно же, в отдельные годы тоже знавал тридцатиградусные морозы, но зато никакой тебе сырости, а летом — жара за сорок! В Ленинграде он заболел в свою первую зиму, в феврале, и выпал из рабочего графика на две недели [AP/FB 16.2.1933]. В начале августа Финни успокаивал Боаса, что состояние его здоровья не должно вызывать опасений, «только вот мои нервы в течение последних месяцев поистрепались отчасти из-за переутомления, а отчасти из-за отсутствия терпения», но, мол, теперь он чувствует себя лучше [AP/FB 8.8.1933]. Однако в следующем

месяце он оказался в упомянутом санатории в Минеральных Водах.

Я лечился всеми способами, и мое здоровье, кажется, в порядке за исключением того, что я весьма похудел. <...> Просматривал текст от печатников, ошибок почти нет, кроме смешения знаков цитирования и гортанной смычки. <...> Уверяю Вас, я расстроен задержкой в выполнении этой работы [AP/FB 4.10.1933].

Что до предвзятости, которую явно демонстрировала Аверкиева, то необходимо учитывать ряд моментов. В тот год ей исполнилось 26, Арчи — 30, а Гонику — 25, т.е. они были почти сверстниками и вполне естественно могли не поделить своих прославленных наставников — Боаса и Богораза. Притом что девушка была уже на третьем курсе аспирантуры, а стажер из Америки — лишь на первом. Кроме того, будучи замужем, она работала в МАЭ и хотя числилась научным сотрудником 2-го разряда на полставки, помимо музейной текучки, корпела сразу над двумя рукописями, пытаясь довести до ума собственную подборку шнуровых фигур кваквашавакв из экспедиции на о. Ванкувер и мучаясь с переводом на английский книги покойного Л.Я. Штернберга о социальной организации гиляков [Нитобург 2003: 406; Кузнецов 2006: 138 и след.].

Играли роль не только статусные, но и культурные различия. Многогранность отвечала общему тону самоотверженности, принятому в советских учреждениях в послереволюционные десятилетия, но, должно быть, озадачивала американцев. Р. Бартона удивило, что Богораз, «в высшей степени трудоголик», назначал ему консультации между 11 часами ночи и часом: «Я несколько раз приходил в такое время и обнаруживал его диктующим [машинистке]» [Willard 2000a: 5]. К тому же, как мы помним, обретение корочек кандидата наук вовсе не являлось приоритетной задачей для индейского этнографа, и аспирантура, по крайней мере первые годы, служила для Арчи скорее легитимацией пребывания в СССР.

Естественно, Аверкиеву это задевало. Но насколько результативной оказалась деятельность самой Юлии Павловны? Тот же Бартон критически замечает: «Концентрация на работе не является ее сильной стороной» [Willard 2000a: 5]. В сухом остатке от того времени — так и не опубликованные полевые материалы, сгинувшие, за исключением серии фотографий, и книга о «кошачьих люльках», вышедшая через 12 лет после смерти автора [Averkiewa, Sherman 1992].

Как бы то ни было, Финни с Боасом мало продвинулись в достижении самой важной цели задуманного ими обменного

проекта — в прикладном изучении «сибирских туземцев», эффект от которого, как предполагалось, мог принести американской стороне нечто полезное. На родине индейца для этого наконец-то созрели благоприятные условия. В 1933 г. новым президентом избрали Ф.Д. Рузвельта, человека, сочувствующего левым, и в БДИ пришел Дж. Колльбер. Наиболее известным деянием последнего стала разработка и принятие в 1934 г. так называемого Индейского реорганизационного акта, который должен был свести на нет действие Акта Доа (Dawes Severalty Act), восстанавливая за коренными американцами право распоряжаться своими землями, и открывал для резервационных общин широкие возможности по развитию племенного самоуправления. Несмотря на то что сам Боас в общем-то не одобрял радикальных реформ колльберовского Бюро (см. об этом: [Кузнецов 2018: 293–294]), он понимал, что для Арчи это шанс проявить себя, и сразу же сообщил ему «хорошую новость» [FB/AP 17.07.1933]. Высказывалось даже предположение, что индеец нез-перс, стажировавшийся в СССР, и был основной кандидатурой Боаса на пост главы БДИ [Smith 2015: 263–266].

Однако у горе-аспиранта пока не было никаких рекомендаций, ничего конкретного, что можно было бы предложить, поскольку поездка в Сибирь так и не состоялась. И отвечая, он объяснял, что доселе сталкивался лишь с «более крупными группами», способными принять полную автономию, имея в виду кавказские республики, находившиеся изначально в лучшем положении и достигшие «экономического статуса, соответствующего советским планам по индустриализации». У них все выглядит как нельзя лучше. Но, увы, их опыт вряд ли заинтересует БДИ, ибо воспроизводим лишь «в рамках набора новых экономических отношений». «Я не испытываю оптимизма в отношении ценности российского метода как штуки, применимой к индейским резервациям в США», — достаточно наблюдательно и прозорливо заключал он [AP/FB 8.8.1933].

Под конец года случилась катастрофа — у Финни украли паспорт и деньги, о чем он в декабре проинформировал Американское посольство, утаив в очередной раз «плохую новость» от Боаса. Тот же узнал обо всем лишь 6–7 месяцев спустя, от кого-то третьего, и сильно переполошился [FB/AP 2.8.1934]. Дэвид Прайс смог восстановить цепочку последующих событий. Арчи вновь получил паспорт гражданина США только после персонального вмешательства директора Американского союза защиты гражданских свобод Роджера Болдуина [Price 2004: 24] — социалиста, в те годы еще очарованного Эммой Гольдман, Кропоткиным и Сталиным.

Полевая работа на Алтае

В следующем году все развивалось сходным образом, по крайней мере первые полгода: наш герой снова занимался не столько аспирантскими делами, сколько книгой. Боас получил-таки посылку из Ленинграда и в феврале отослал ее в Глюкштадт:

Дорогой Арчи, возвращаю Вашу правку печатнику. Нам необходимо введение к Вашей книге, в котором Вам надо объяснить, как был записан материал, от кого получен, и дать список символов. <...> Я заметил, что Вы используете несколько странный способ написания имен животных с большой буквы [sic!], но оставил это как есть, и, думаю, Вам лучше не делать изменений [FB/AP 4.2.1934].

В мае Боас в последний раз осведомился у Арчи, не хочет ли он внести в гранки еще «немного исправлений» [FB/AP 25.5.1934]. Финни, которому все это надоело, разумеется, не захотел. В июле-августе книга уже печаталась [FB/AP 2.8.1934], и в октябре радостный автор отчитался: «Получил экземпляр наших “Nez Perce Texts”!» [AP/FB 31.10.1934].

В начале 1934 г. МАЭ (в ту пору — Институт антропологии, археологии и этнографии, 1934–1937) посетили супруги Альфред Хадсон и Элизабет Бэкон из Йельского университета. В письме Ю.П. Аверкиевой в Нью-Йорк есть место, где говорится об их прибытии. Заодно Юлия Павловна не преминула отпустить колкость в сторону Арчи:

Здесь находятся два американских антрополога, мистер и миссис Хадсон, они изучают казахов и скоро собираются для полевых работ в Казахстан. Но они молодые антропологи. Арчи здесь почти ничего не делает. Кажется, его не заботит какое-либо серьезное исследование в антропологии; он просто молодой турист в нашей стране [JA/FB 24.3.1934].

Примерно тогда же, когда йельские антропологи находились в Казахской (точнее Казакской) АССР, в июне, Арчи Финни предпринял-таки свое долго вынашиваемое путешествие «в Сибирь». Не исключено, что к организации его поездки имели отношение сотрудники МАЭ: занимавшаяся Алтаем Л.Э. Каруновская (в то время — супруга Чатопадайи) и в особенности «первооткрыватель» бурханизма А.Г. Данилин, личные дневники которого содержат свидетельства довольно плотных контактов с Финни (Дмитрий Арзютов, личная переписка).

Посланник Проткнутых Носов 21 день оставался в горах Ойротской автономной области: «Я покрыл несколько сотен километров пешком, верхом и на лодке». На фоне кавказцев «ойрот-монгольские группы» (алтайцы) показались ему «в общем более

отсталыми (more retarded), чем американские индейцы». Положительным являлось, однако, то, что они продвигались к прогрессу, заботясь о собственном благосостоянии «при минимальной помощи посторонних» [AP/FB 6.7.1934]. Похоже также, что индейский этнограф не только вел в поле какие-то записи, но и занимался фотофиксацией увиденного. Во всяком случае, обращают на себя внимание ряд фотографий среди его вещей и бумаг, а именно: (а) некоего селения у речки, (б) одного многочисленного алтайского семейства, а также (в) одиноко стоящего старика-алтайца с трубкой (Джошуа Смит, личная переписка).

После окончания полевого сезона Арчи недолго оставался в Ленинграде, уехав в Москву на целых два месяца, т.е. до начала сентября, выполнять «особую работу [sic!] в Московском университете», и только по возвращении оттуда нанес визит вежливости Аверкиевой — у той в июле родилась дочь Елена [AP/FB 6.9.1934]. Все это время в Нью-Йорке Боас, как сказано выше, исполнял роль импресарио. В частности, отчитался уходящему комиссару по индейским делам Ч. Роудсу об успехах своего подопечного [FB/AP 2.8.1934].

Затем «два обнадеживающих письма» Финни прислал Колльер. И претендент на вакансию в Бюро предложил уже новому принимающему дела главе программу, которая вроде бы того заинтересовала [AP/FB 6.9.1934]. В некрологе, который “American Anthropologist” посвятит А. Финни, также будет упомянуто о некоей программе развития нез-перс, будто бы разработанной им еще в 1932 г. и во многих аспектах подготовившей знаменитое детище Колльера — Indian Reorganization Act (IRA) [Archie Phinney 1950: 442]. Возможно, это была та самая программа, хотя столь ранняя дата ее появления выглядит неправдоподобной. Арчи продолжал:

Мне не терпится получить эту работу — это было моей целью многие годы, и теперь с Вашей помощью моя кандидатура наконец находится на рассмотрении. <...> В настоящее время я оформляю свой материал для полного отчета о политике советского правительства [в отношении] национальных меньшинств [AP/FB 6.9.1934].

В томе канадского журнала “Pacific Affairs” за сентябрь 1935 г., посвященном в общем-то китайской революции, вышла заметка Финни “Racial Minorities in the Soviet Union”. Она начиналась с упоминания об основании Советского Союза — события, случившегося «семнадцать лет назад». Следовательно, автор работал над рукописью именно в 1934 г. Выбрав несколько необычный объект — «расовые меньшинства» (в российской науке до сих пор предпочтительнее говорить об этнических),

он, очевидно, стремился к двум вещам: отсечь от этой категории «нацменов», проблемы которых так несхожи с тем, что переживают коренные американцы, и проложить мостик к проблематике, более понятной североамериканскому читателю. Финни, как и Бартон, остро чувствовал несовпадение расовой стратификации, исторически сложившейся еще в североамериканских колониях, с системой из «старшего брата» и «младших братьев» — «инородцев», часто таких же белых, как первый, но покоренных и живущих в удалении от столиц. Месседж этой шестистраничной статейки, вовсе не такой масштабной, как книга текстов нез-перс, был призван убедить в «глубочайшей важности» раннесоветской политики «коренизации» «каждого человека, интересующегося проблемами культурного контакта и “расовых” отношений во всем мире» [Phinney 1935: 321].

Вполне по-марксистски Финни стал объяснять социальные язвы коренных малочисленных народов Севера последствиями политики ограбившего их царизма, который навязал им «вождей, торговцев, помещиков и представителей правительства». Он также продолжил раскручивать мысль, вынесенную из поездки на Алтай: повернуть вектор «русификации» вспять можно всего вернее с помощью плановых экономических преобразований, «реанимирующих [reanimating] традиционные элементы и формы культуры», «привнося их в новый синтез, соответствующий развитию будущих мировых культур» [Phinney 1935: 325–326, 327; Balthaser 2014: 398].

Кроме указанной академической публикации, у Финни есть еще статья «Путешествия американского индейца в тылы Советской России и Сибирь» по результатам советских полевых поездок, так сказать, для массового читателя, которая писалась в газету “Baltimore Sun”, но так никогда и не вышла. Здесь он ироничен, осознает всю курьезность событий этого периода своей жизни и вместе с тем дает понять, что является современным образованным человеком, а не «вождем краснокожих»: коренные американцы переселились на территорию России в «шестнадцатом веке» (sic!), и теперь «индеец приехал изучить и понять русских» [AP, ms. 1; cit. ex: Balthaser 2014: 402].

Но и этот год, как и прежний, закончился недобрым. 1 декабря в Смольном произошло убийство главного ленинградского партийного начальника С.М. Кирова. Как известно, Кремль использовал этот криминальный инцидент для высвобождения ничем не сдерживаемого репрессивного маховика. Одним из первых пострадал «связанный с контрреволюционной зиновьевской оппозицией» А.М. Маторин. Уже в конце декабря его исключили из партии, а новый 1935 г. начался для него с ареста [Решетов 2003: 179].

Язык жестов и «Грамматика нез-перс»

В обстановке всеобщей паранойи поддерживать научные контакты с «империалистическими» США становилось все более рискованно. При Кунсткамере по-прежнему оставались, почти что в полной изоляции, лишь два американца — кроме нашего героя, еще Бартон. Финни почти перестал писать в Нью-Йорк. Из переписки мы знаем только, что в январе молодой исследователь переболел гриппом, но продолжал готовить свой отчет для Америки, валяясь в постели и излагая на бумаге «взгляды на национальное меньшинство Кавказа» [AP/FB 18.1.1935], а весной собирался в очередную короткую поездку, чтобы изучать кабардинцев [AP/FB 26.4.1935]. На два года полностью отказалась от ведения заграничной корреспонденции Аверкиева.

Подходил (или уже подошел, это не совсем ясно) срок окончания аспирантуры, и Арчи очень хотелось домой. Он переживал, что из БДИ не сообщают ничего конкретного, понимая, что там пока не открыли финансирование. Скучающий и, видимо, напуганный стажер планировал следующим летом или осенью поехать к себе в резервацию, а уже затем в Вашингтон. В его редких посланиях зазвучали успокоительные нотки для цензоров: «Моя работа идет здесь очень хорошо. В общем, мои контакты здесь настолько расширились по всем фронтам, что теперь я полностью чувствую себя в водовороте советской жизни [feel myself fully in the swing of Soviet life]» [AP/FB 7.11.1935]. «Пролетарские очки» были налицо!

В том же году его использовали в ЛИФЛИ на съемках фильма «Язык жестов североамериканских индейцев». Финни оформили доцентом этого учреждения, вероятно, чтобы как-то ему заплатить, во всяком случае никаких лекций он не читал. Режиссером съемок выступал В.Н. Николаи («Лентехфильм»), консультантами — профессор А.Б. Рифтин и академик И.И. Мещанинов (тогда директор Института языка и мышления им. Марра и формально, после Маторина, Института антропологии, археологии и этнографии). «Научное руководство» осуществляла В.Н. Ярцева, в будущем член-корреспондент АН СССР, директор Института языкознания, а в 1935 г. — аспирантка третьего курса. Было задумано два варианта фильма: серьезный научный, заверченный к началу ноября, и научно-популярный (звуковой), производство которого растянулось аж до 1938 г. [Каплан 2015: 79–83]. Из пространной вьедливой рецензии того времени вырисовывается его общая концептуальная подоплека:

Потемнел экран, и зазвучала музыка. Зрители видят и слышат акад. Н.Я. Марра, ныне умершего знаменитого лингвиста. Его выступление интересно, научные формулировки сжаты и че-

канны. В поисках корней происхождения жеста акад. Марр обращается к доисторическим временам. Он подчеркивает, как доказано современной наукой, что первой речью человека «была речь мимики и телодвижений, т.е. язык жестов» [Сухаревский 1936; цит. по: Каплан 2015: 81–82].

Что касается Арчи, то он играл роль «настоящего индейца», источника знаний для советских ученых и, если верить процитированному документу, продемонстрировал до 750 различных жестов и 150 — в популярном варианте, означающих «верх», «низ», «близко», «далеко», «ходить», «прыгать», «драться», «дита», «вигвам» и т.д. Картинные воспоминания, позволяющие представить, какими «грезами» казалась вся эта кино-экзотика (на сегодня фильм утерян), оставил один из зрителей, в будущем крупный геолог А.И. Жамойда:

В Лектории [на Литейном проспекте. — И.К.] показали упомянутый выше фильм. Арчи вышел, мило улыбнулся (на экране) и на фоне карты Сев. Америки начал показывать жесты, а голос говорил их значение. Штук 200 показал. Потом в нац. платье он рассказал на языке жестов про историю добычи огня (27/IV[1937]). Индейский костюм с головным убором из перьев был взят в МАЭ. Рассказывал Арчи в каких-то зарослях у костра, к которому сошлись индейцы (тоже в костюмах) разных племен, говорящих на разных языках. Язык жестов же был понятен всем. Некоторые жесты помню до сих пор [Жамойда 1999: 138; цит. по: Каплан 2015: 82–83].

Работа сразу же, уже в аннотации, была объявлена «первым в мире лингвистическим фильмом» [Каплан 2015: 80, 82], что, разумеется, сильное преувеличение, учитывая долгое изучение этого культурного феномена начиная еще с Гаррика Мэллери из Вашингтонского Бюро американской этнологии [Mallery 1880], как и многие предшествующие попытки кинофиксации языка жестов в Америке, включая настоящий «хит» — фильм генерала Хью Л. Скотта (1930). Приоритет был разве что в том, что ленту ленинградских киношников можно считать первой иллюстрацией «кинетической теории» происхождения языка, выведенной академиком Н.Я. Марром. Именно иллюстрацией, а не доказательствами, которых у нее как не было, так и нет. Известно, например, что показанная в фильме неречевая система коммуникации зародилась вдоль южной кромки Великих равнин, а на север распространилась только к началу XIX в., что никак не стыкуется с тысячелетними временными пластами, вздымаемыми марровской «палеонтологией».

Кратковременное сотрудничество Финни с ЛИФЛИ не могло не сказаться на текущих научных интересах последовательного марриста Мещанинова, посчитавшего нужным уделить внима-

ние новому для себя объекту в своем «Новом учении о языке»: «Богатый фольклорный материал на этом языке собран учеником проф. Боаса, молодым исследователем, ученым индейцем из того же племени А. Финней, которому я и обязан теми сведениями, каковые излагаются здесь по этому еще не изученному языку» [Мещанинов 1936: 74] (см. также: [Корсун 2019: 355–356]). В книге Мещанинова раздел, подготовленный на основе данных нез-перс, занимает целых 19 страниц.

Но оставался еще один большой и, в отличие ото всех прочих, никем не навязанный исследовательский проект — грамматика нез-перс. Его в полной мере можно считать свидетельством творческой самостоятельности и зрелости автора, у которого интерес к материнскому (буквально) языку проснулся, как мы помним, еще на родине. Тогда Арчи, в пору начала своего сотрудничества со смитсоновскими антропологами и Боасом, почувствовал вкус к компаративистике, а также проблемам адекватности фонетической передачи записанных им текстов и перевода их на английский язык. И уже самое первое письмо, посланное им нью-йоркскому ментору из Ленинграда, содержало следующее признание:

[Д]олжен на несколько месяцев уединиться, чтобы делать собственную работу, читать общий материал по русской этнографии и познакомиться лучше с русским языком под опекой грамматиста [a grammarian] (кажется, большинство людей здесь мало что понимают в грамматике) [AP/FB 13.11.1932].

Теперь такие «грамматисты», безусловно, уже имелись, а один успешно трудился в МАЭ и, насколько известно, согласился оказывать аспиранту необходимые консультации. Им был В.Е. Краснодембский (С.А. Корсун, устное сообщение) — научный сотрудник 1-го разряда, профессиональный лингвист-индолог, причисленный к кабинету Индии, Индонезии и Дальнего Востока. Представляется, однако, что Арчи долго был не в состоянии уделять должного внимания собственно языковедческим вопросам, будучи поглощен разъездами, редакторской рутинной и просто разбрасываясь временем.

Тем не менее среди его бумаг, хранящихся в филиале Национальных архивов в Сиэтле, Бену Балтазеру попался текст, посвященный языкам меньшинств в Советском Союзе, который можно рассматривать как своеобразное философское введение к «Грамматике нез-перс». Речь идет об эссе, изложенном на оборотной стороне машинописи будущей книги с текстами нез-перс, а следовательно, хорошо датирующемся. В нем очень много любопытного, например автор переводит марксово определение исторического материализма (sic!) с английского языка на нез-перс («сахаптин»), чтобы проиллюстрировать якобы

более абстрактный характер первого: в сахаптинском соответствующая цитата состоит из 151 слова, тогда как в английском — только из 50 [AP, ms. 2: 5–6; cit. ex: Balthaser 2014: 398–400].

У Финни, как и у Марра, язык — нечто подобное надстройке над базисом. Скажем, английский из вышеприведенного примера отличен от любого индейского не только формальной структурой и тем, что не обнаруживает с ним лингвистического родства, но и стадиально. Он опирается на результаты исторического развития, достигнутые сообща всем англоязычным миром, тогда как нез-перс соответствует племенному уровню социальной жизни. В случае с Россией в русификации «нацменов» Сибири, вытеснении их языков русским, надо видеть подчинение их разрушительным экономическим интересам правящей извне буржуазии. В то же время было бы грубейшей ошибкой, ведущей к изоляции и бедности, построить туземное образование на преподавании одних только миноритарных языков, отказавшись от русского. Ведь именно двуязычие делает «нацменов» сопричастными общемировому процессу, в том числе делу сопротивления империалистической экспансии. Но и мелкие разобщенные национальности путем экономических преобразований должны шагнуть на более высокий уровень. Как пишет Финни, совершенно в духе Фуко, нашего, а не своего современника, «только социализм» способен «очистить лингвистический воздух» от ощущения «неполноценности», привитого словесно [AP, ms. 2: 13, 17, 18; cit. ex: Balthaser 2014: 398–400].

В целом же эссе даже ближе к советскому изводу марксизма тех лет, чем статья про «расовые меньшинства». Мысли «для себя» из-под пера начинающего аспиранта оказались радикальнее рассуждений профессионала на выходе — противоречие, вероятно, также объясняющееся самоцензурой, но в этом случае перед лицом западного академического сообщества, а не компетентных органов. Важно и то, что в описании еще одного исчезающего индейского языка, каким был и остается нез-перс (20 носителей в 2007 г. [UNESCO Atlas]), Арчи с самого начала видел прикладную цель.

В 1935 г., снова вернувшись к своей грамматике, как только для этого созрели условия, он, видимо, всерьез решил превзойти лингвистические достижения покойного иезуита Дж. Катальдо, уже много лет не дававшие ему покоя, и спешил поделиться первыми собственными успехами с Боасом:

Грамматика стала мне близка, все правильно, и я уже сделал значительную работу по ней. Сама грамматика совершенно неадекватна, но содержит много полезного материала. До того

как закончится год, уверен, смогу показать много вещей, очень Вам интересных, о языке нез-перс, который так и не понял сам Катальдо. В противном случае продолжу свою работу и учебу по линии политики [в отношении] национальных меньшинств здесь [AP/FB 7.11.1935].

У. Уиллард считает, что Финни не справился со своим обещанием. Лишь после его смерти в его офисе обнаружили рукопись грамматики, одна из частей которой была составлена на трех языках — на английском и нез-перс («нумипу») с русским междустрочным переводом [Willard 2004: 13]. А переписка вроде бы показывает, что до 1936 г. он так и не смог завершить проект. Однако и в этом случае все обстояло не совсем так.

Еще в 1935 г. небольшим тиражом по-русски был напечатан «Очерк языка Nez Percé», машинописная копия которого сохранилась в Российской национальной библиотеке (Петербург). Редактировали эту брошюру, состоящую всего лишь из 21 л., Е.Н. Зверева и упомянутая В.Н. Ярцева («научный руководитель» Арчи по ЛИФЛИ), а переводил (sic!) Г. Корсаков [Финней 1935]. Значит, уже тогда существовал некий оригинал. К 1936 г. была готова и куда более пространная английская версия, включенная в первоначальный вариант диссертации, которую Финни еще предстояло защитить. Ознакомившийся с этой работой С.А. Корсун пишет:

Она состоит из трех частей: «Грамматика Нумипу» (листы 1–111), «История Нумипу» (листы 112–176) и «Мифология Нумипу» (листы 177–290). Ее машинописный вариант, как печатное издание, хранится в библиотеке МАЭ [Phinney 1936]. Оглавление работы не полностью соответствует содержанию — отсутствует вступительная статья И.И. Мещанинова [Корсун 2019: 355–356].

Все говорит о следующем: Арчи сдержал свое слово. Интересно, что выходные данные второй машинописи, озаглавленной “Numipi Grammar”, включают марровско-мещаниновский Институт языка и мышления [Phinney 1936]. Однако 110-страничная грамматика будет, по-видимому, изъята из текста кандидатской в окончательной редакции.

Приходится только сожалеть, что все описанные усилия индейского исследователя оказались не замечены не только Аверкиевой, так сказать на «этнографическом» фронте, но и советскими языковедами, исключая разве что Мещанинова. Финниевские штудии не получили почти никакого продолжения, и следующие поколения специалистов по языку нез-перс в Америке прошли мимо его грамматики и особенно ее ленинградской публикации, по сути начав все сначала. Так, Ноэл Руд отмечает лишь мимо-

ходом используемую Финни орфографию, и то по «Текстам нез-перс», подчеркивая, однако, что она действительно «превосходит миссионерскую систему в том, что [в ней] представлены ударение и глоттализация», но «все еще дефектна <...> в том, что долгие гласные и глоттализированные сонорные не различаются» [Rude 1985: 10].

Между тем в лингвистических работах Финни подчас содержатся весьма ценные упоминания о явлениях, ускользнувших от внешнего взора белого ученого, а затем вышедших из употребления и неизвестных современным нез-перс. Вспомним опять о пресловутом стиле индейских сказителей, который взялся было изучать Боас, но без особого результата. Например, автор «Текстов нез-перс» пишет об особенностях речи разных персонажей в собранных им мифах:

Некоторые животные обладают отличительными речевыми характеристиками. Лиса всегда разговаривает с предельной ясностью и прямотой. Медведь смазывает согласные на ĩ. Скунс назализирует [произносит в нос] высоким голосом и меняет ĥ на x и k, s на ts, а на â. В целом стили речи могут варьироваться, [но] не произвольно, а в соответствии с эмоциональными флуктуациями в сказке [Phinney 1934: IX].

Харуо Аоки, изучавший нез-перс в 1950–1960-х гг., признает, что в его собственных материалах подобные фонетические подсистемы (Сепир называл их «анормальными речевыми типами») уже не прослеживаются, исключая, может быть, один случай — подмена *n* на *l* и *s* на *š* в «речи койота» [Aoki 1970: 7–8].

Еще в ноябре 1934 г. Боас попросил Генриха Аугустина (в то время он возглавлял семейное дело — типографию) выслать шесть авторских экземпляров «Текстов нез-перс» на адрес, который укажет Финни [FB/AP 14.11.1934]. В 1935 г. один из них попал в руки Богоразу. Нет указаний на то, что он обсуждал книгу с Арчи при личной встрече, но известно, что Владимир Германович реферировал ее, цитируя куски мифов, и предложил автору-индейцу в дальнейшей работе использовать не французское название *Nez Percé* 'проткнутый нос', а «самоназвание нумипу» [Willard 2004: 13], предвосхитив постколониальные словесные игры нашего времени. Как бы там ни было, Финни прислушался к главе советских этнографов. Именно так, *нумипу*, предпочитал он обозначать свой народ во всех последующих работах, как русско-, так и англоязычных.

Долгое возвращение

В.Г. Богораз умер 10 мая 1936 г. Бартон наблюдал, как проходили похороны, как гроб везли до Казанского собора, где теперь

находился Музей истории религии: «Мы маршировали за ним, с двумя или тремя духовыми оркестрами, численностью около 1000 человек» [Willard 2000a: 5].

В августе того же 1936 г. арестовали А.А. Бусыгина, в котором Маторин видел своего преемника. Кто-то подслушал взволнованный рассказ Юлии Павловны об этом, донес, и ее исключили из комсомола, а в сентябре уволили из МАЭ [Нитобург 2003: 408]. В октябре уже в застенках были расстреляны и Маторин, и Бусыгин [Решетов 2003: 183–184]. В 1937 г. посадки и расстрелы в ленинградском окружении Финни только усилились. В Америке же подходило к концу «красное десятилетие», и такие непримиримые левые, как А. Стронг и А. Смедли, в поисках революции начали разворачиваться в сторону Китая.

За эти два года Финни не послал ни одного письма в Нью-Йорк. Мог ли он все бросить и вернуться домой по собственной инициативе? Еще в прошлом году в Кремле ужесточили порядок выезда за границу: советским гражданам требовались выездные визы, а за незаконное пересечение границы грозила высшая мера. У иностранца, если у него под каким-то предлогом не изъяли паспорт, сохранялась возможность уехать, однако любое посещение консульства могло обернуться для него обвинением в шпионаже и началом преследований. Не исключено, что американскому стажеру не хотелось ни у кого вызывать подозрений в неблагоденности и ему необходимо было как-то официально завершить свое пребывание в России. Для этого оказалось недостаточно выхода одного только «Очерка языка *Nez Percé*», на что он вроде бы надеялся (см. выше), поскольку по новым правилам стали требовать защиту диссертации, а не краткое изложение достигнутых результатов в виде доклада. Неясно, были ли уже готовы принять нового сотрудника в колльеровском Бюро или по-прежнему тянули с его трудоустройством. Вероятно, эти обстоятельства и вынуждали индейского этнографа снова и снова откладывать обратное путешествие.

Насколько мы знаем, в конце 1936 — начале 1937 г. Финни серьезно занимался своей заявкой на должность индейского агента БДИ и готовил для пакета документов объемный исторический доклад под названием «Нумипу среди белых поселенцев», который уже в наше время был опубликован в виде статьи [Phinney 2002]. В нем он выделил события недалекого прошлого, нанесшие наибольший урон автономному существованию («суверенитету») нез-перс, после того как договором 1855 г. за ними была закреплена резервация. Такими вызовами, по его мнению, стали незаконное занятие резервационных земель белыми поселенцами, новый договор 1863 г., еще больше урезавший племенную территорию, принесящая много горестей

война Джозефа 1877 г. и особенно Акт Доза 1887 г. Последнему автор отвел самую разрушительную роль, посчитав его враждебным жестом Конгресса, способным лишить «все индейские племена в Соединенных Штатах всяких прав на “суверенитет”». Он также видел в законе Доза «идеологическое выражение новой политики правительства», направленной на то, чтобы «цивилизовать» коренных американцев путем разрушения их прежнего общинного уклада жизни, превращения в обычных американских граждан и создания для частного землепользования среди них тех же условий, что и у белых [Phinney 2002: 22; Colombi 2004: 97–98]. Всемерно поддержать IRA — напрашивалось в качестве вывода доклада. А в убежденности Финни, что коллективизм и общинные формы собственности — благо для «нумипу», проглядывали его прежние разыскания в области национальной политики большевиков.

Он представил свою диссертацию на соискание научной степени кандидата наук 19 марта 1937 г. Работы, в окончательном виде озаглавленной «Нумипу, их обычаи и фольклор», не сохранилось ни в архиве МАЭ, ни в петербургских библиотеках. Уиллард утверждает, что ее текст «делится на четыре раздела: 1. Язык; 2. Доистория; 3. История и 4. Мифология» [Willard 2004: 15], при этом его источник неясен. Защите была предложена публикация «тезисов диссертации» [Финней 1937], по функции напоминающих современный автореферат. Если руководствоваться их содержанием, то очень похоже, что первый, языковедческий, раздел действительно сократили, возможно, чтобы текст больше соответствовал искомому научному направлению — этнографии. В таком случае метания Финни в предыдущие два года, от ЛИФЛИ и Института языка и мышления к МАЭ, могли быть вызваны воцарившейся в последнем после разгрома административной чехардой, которая выразилась в том числе в отсутствии у аспиранта постоянного научного руководителя.

Возникает ощущение, что диссертация была состряпана на скорую руку, по кусочкам, из всего, чем занимался автор все эти годы: от текстов и грамматики до анализа причин исторического фиаско нез-перс и особенностей положения «нацменов» в СССР. Проходит, однако, красной нитью одна мысль — о чуждости коренному населению Акта Доза, с которого и начались все беды:

Навязанные социальные и экономические отношения капиталистического общества противоречили коммунистическим основам [sic!] племенного общества и сделали невозможным приспособление индейцев к условиям современной жизни. Материальное и духовное обеднение этого племени, владеющего в на-

стоящее время меньше чем 0,02 своих прежних земель (остальное было отнято белыми), создало ненормальную «резервационную» жизнь и инертность, не поддающуюся жалким попыткам правительства заставить вымирающее племя приспособиться к новым условиям [Финней 1937: 3; цит. по: Корсун 2019: 356].

По мнению Уилларда, тезисы писал по-русски не Арчи, а кто-то еще, не знавший ни этнографических реалий, ни соответствующей литературы, а возможно, даже не владевший английским языком. Это объясняет, почему в тексте закралось много ошибочной информации об истории и культуре нез-перс. Вообще же культурный и социальный профиль «нумипу» был сильно деформирован и подогнан под (лже)научные шаблоны новой марксистско-ленинской этнографии с ее убежденностью (ни на чем не основанной) об универсальности и приоритете материнско-родовой организации и группового брака, догмой о так называемом «первобытном коммунизме» и пр. Несмотря на все оплошности, 25 апреля 1937 г. диссертант успешно защитился [Willard 2004: 15].

Спустя две недели новоиспеченный кандидат готов был уже сесть на пароход, уходящий в трансатлантический рейс. Перед отъездом он подарил МАЭ корзину, расшитую сумку и части костюма нез-перс [Ершова, Корсун 2005: 21], которые, надо полагать, держал при себе все это время. 10 мая раздавленная обстоятельствами Ю.П. Аверкиева решила передать для Боаса кое-что нарочным, включая свое последнее адресованное ему письмо (десятилетием позже и она угодит в лагерь):

Если у Вас есть хоть какой-то интерес ко мне, Арчи сможет рассказать Вам обо мне многое. С ним посылаю маленький подарок для Вас, который будет немного напоминать Вам о нашей стране и, возможно, обо мне [JA/FB 10.5.1937; Кузнецов 2006: 147].

Едва возвратившись из затянувшейся стажировки, 27 сентября 1937 г. экспат поневоле был назначен полевым агентом БДИ (“Field Grade Agent 12”), а в октябре поступил в распоряжение регионального офиса в Миннеаполисе, отвечавшего за Великие Озера [Willard 2004: 13–14]. Так для Финни закончилась академическая карьера и началась совершенно иная — правительственная чиновничья. К заключительному году пребывания его в Ленинграде относится примечательный словесный портрет авторства упомянутого А.И. Жамойды:

Почти в начале наших занятий [в кружке. — И.К.] В.Е. Краснодембский рассказал о «разговоре знаками» при помощи рук, и он нам сообщил, что в институте работает некий Арча, настоя-

щий индеец из Америки, который знает язык жестов, и уже Академия выпускает фильм, где он показывает этот разговор. Вскоре вошел сам Арча, небольшого роста коренастый человек, с черными волосами и с чуть желтым лицом, которое ничего не выражало, точно это была живая мумия [Жаймонда 1999: 138; цит. по: Корсун 2010: 45].

В тот год Александру Ивановичу, будущему члену-корреспонденту РАН, исполнилось всего лишь 16. В его описание проникло много типического. Не случайно, что зачином рецензии на фильм о языке жестов служила отсылка к Майн-Риду и Фенимору Куперу [Сухаревский 1936; цит. по: Каплан 2015: 81] — чтобы казаться читателю (и зрителю) понятнее, затронуть фибры, каждому близкие с детства! Например, образ желтолицего индейца, неподвижного как мумия, резко контрастировал с чертами, которыми позже одарит своего коллегу его сослуживец индеец-сиу Чарльз Хикок: «Мистер Финни — блестящий собеседник и авторитет [по части] индейцев, он любит говорить и хорошо поспорить» [Willard 2004: 16].

А в Америке Финни превратится в одну из ключевых фигур в реализации IRA среди самых различных «наций коренных американцев». 27 октября 1937 г. его переведут в специально созданный отдел по реорганизации — для проведения индейской реформы. Он будет восстанавливать утраченное племенное самоуправление и организовывать племенные корпорации в Миннесоте, Висконсине и Мичигане. Его примут в центральный офис, и он опять начнет разъезжать по стране. Наконец, после успешной работы на поприще продвижения IRA в целом ряде резерваций он сможет вернуться в Страну нез-перс. Все так и будет продолжаться, пока его профессиональный рост, ничем особенно не омраченный, не оборвет внезапно болезнь. 29 октября 1949 г. в возрасте всего лишь сорока пяти лет суперинтендант Индейского агентства Северного Айдахо умрет в больнице Льюистона от вызванного язвой кровоизлияния и других осложнений и будет похоронен на кладбище родного Калдесака рядом с полковником Крэгом [Rigby 1990].

После долгих сомнений в 1948 г. нез-перс приняли конституцию, но так и не преодолели пагубных результатов введения у себя Акта Доза. Сегодня белые составляют до 90 % населения резервации, а процент коренных американцев ощутим лишь в городках Лапуэй (около 78,1 %) и Калдесак (15,8 %). Но времена изменились, в начале 1980-х гг. старинному зданию департамента социологии и антропологии Университета Айдахо решено было присвоить имя Арчи Финни — честь, которой вряд ли удостоится большинство участников описанных событий, а в университетском спортивном зале в городе Москоу

начали ежегодно устраивать пау-вау — танцевальные фестивали потомков индейского этнографа из долины Клируотер.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00159); организация, осуществлявшая финансирование, — Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

Список сокращений

БДИ — Бюро по делам индейцев

ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и лингвистики

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), в 1934–1937 гг. Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР

APA — Archie Phinney Papers, National Archives — Pacific Alaska Region

IRA — Indian Reorganization Act

NAA — National Anthropological Archives, Smithsonian Institution

UC — University of California, Berkeley

Архивные материалы

[AP, ms. 1] APA. Box 2. RG075. 2 (manuscript). Archie Phinney. Travels of an American Indian into the Hinterlands of Soviet Russia and Siberia.

[AP, ms. 2] APA. Box 2. RG075. 2 (manuscript). Archie Phinney. On Minority Languages in the Soviet Union, written on the back of notes for Nez Perce texts.

Boas Papers Collection, American Philosophical Society:

[AP/FB] Archie Phinney to Franz Boas

[FB/AP] Franz Boas to Archie Phinney

[FB/JA] Franz Boas to Julia Averkieva

[JA/FB] Julia Averkieva to Franz Boas

[NM/FB] Nikolay Matorin to Franz Boas.

NAA, ms. 2338. Grammatical Notes on the Language of the Nez Percés (listed under Mark Phinney and J.N.B. Hewitt). 1926.

NAA, ms. 2339. Nez Perce or Numipu Legends (listed under Mark Phinney and J.N.B. Hewitt). 1927, February 13.

Источники

Богораз-Тан В.Г. Замечания к статье д-ра Франца Боаса [«Задачи антропологического исследования»] // Советская этнография. 1933. № 3–4. С. 189–193.

Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.

Ершова Е.А., Корсун С.А. Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Березкин Ю.Е. (отв. ред.).

- Аборигены Америки: предметы и представления. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 4–58. (Сборник МАЭ. Т. 50).
- Жамойда А.И.* В Музее антропологии и этнографии в конце 30-х // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1999. Вып. 8–9. С. 136–149.
- Каплан Г.Х.* (сост.). Александр Павлович Рифтин (1900–1945): автобиография, письма, другие материалы к биографии. СПб.: Контраст, 2015. 203 с.
- Кузнецов И.В.* (сост.). Переписка Ю.П. Аверкиевой и Ф. Боаса / Пер., коммент.; параллельно на англ. и рус. яз. // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм (Краснодар). Нов. серия. 2006. Т. 1. № 2. С. 117–159.
- Мещанинов И.И.* Новое учение о языке. Стадиальная типология: Курс лекций, сост. на основе конспекта студента ЛИФЛИ Б. Карповича, с соответствующими дополнениями. Л.: Соцэкгиз, 1936. 343 с.
- Сухаревский Л.М.* Язык жестов // Кино (Москва). 1936, 28 мая.
- Финней А.* Сахаптин: очерк языка NEZ PERCE / Пер. с англ. Г. Корсакова; Лингфак ЛИФЛИ. Л.: Б.и., 1935. 21 л.
- Финней А.* Нумипу, их обычаи и фольклор: Тез. дис. Л.: АН СССР, 1937. 4 с.
- Aoki H.* Nez Perce Grammar. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1970. XII+168 p. (University of California Publications in Linguistics. Vol. 62).
- Archie Phinney, 1903–1949 [obituary] // American Anthropologist. New Series. 1950. Vol. 52. No. 3. P. 442.*
- Balthaser B.* Colonies and Capital: The Work of Native American Activist Archie Phinney Shows How Marxism Can Help Advance Indigenous Struggle // Jacobin. 2016, Nov. 16. <<https://www.jacobinmag.com/2016/11/native-americans-marxism-colonialism-nodapl-archie-phinney-means-nez-perce>>.
- Mallery G.* A Collection of Gesture-Signs and Signals of the North American Indians, with Some Comparisons. Washington, DC: Government Printing Office, 1880. 329 p.
- Phinney A.M.* Nez Percé Texts. N.Y.: Columbia University Press, 1934. XII+497 p. (Columbia University Contributions to Anthropology. Vol. 25).
- Phinney A.M.* Racial Minorities in the Soviet Union // Pacific Affairs. 1935. Vol. 8. No. 3. P. 321–326.
- Phinney A.* Numipu Grammar: Language of the East Sahaptin (Nez Perce) U.S.A. Leningrad: The Institute of Language and Thought, Academy of Science of the USSR, 1936. 290 p.
- Rigby B.* Archie Phinney Was a Champion of Indian Rights He Broke New Ground in Methods of Preserving Nez Perce Traditions // Lewiston Morning Tribune. 1990, July 3. <https://lmtribune.com/feature/archie-phinney-was-a-champion-of-indian-rights-he-broke/article_2edea4d0-1360-5b09-87cb-fe511bbd5d79.html>.
- [UC Bulletin] University of California Bulletin, Register, 1926–1927. Berkeley: University of California Press, 1927. Vol. 21. No. 5. 924 p.

- [UNESCO Atlas] *Moseley Ch.* (ed.). Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010. <<http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap/language-id-824.html>>.
- Willard W.* American Anthropologists on the Neva: 1930–1940 // History of Anthropology Newsletter. 2000a. Vol. 27. No. 1. P. 3–9.

Библиография

- Алымов С.С., Арзютов Д.В.* Марксистская этнография за семь дней: со-вещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // Арзютов Д.В., Алымов С.С., Андерсон Д.Дж. (ред.). От классиков к марксизму: со-вещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21–90.
- Антошин А.В.* В борьбе за место под солнцем в годы «холодной войны»: русская эмигрантка Лидия Надежина и американское академическое сообщество середины XX в. (по материалам Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. Т. 107. № 4. С. 156–163.
- Кан С.* «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 191–230.
- Корсун С.А.* Исследования по американистике в МАЭ (30-е годы XX века) // Чистов Ю.К., Рубцова М.А. (отв. ред.). Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 139–144.
- Корсун С.А.* Американистика в Кунсткамере: собиратели, экспедиции, коллекции. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 512 с.
- Кузнецов И.В.* «Счет зим». Вымирание коренных американцев и «антропология спасения»: В 3 т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. Т. 3. 346 с.
- Нитобург Э.Л., Ю.П. Петрова-Аверкиева:* ученый и человек // Тумаркин Д.Д. (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Тумаркин Д.Д. (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 147–192.
- Averkieva J., Sherman M.A.* Kwakiutl String Figures. N.Y.; Vancouver: American Museum of Natural History; University of British Columbia Press, 1992. XXXI+199 p. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History).
- Balthaser B.* “Travels of an American Indian into the Hinterlands of Soviet Russia”: Rethinking Indigenous Modernity and the Popular Front in the Work of Archie Phinney and D’Arcy McNickle // American Quarterly. 2014. Vol. 66. No. 2. P. 385–416.
- Balthaser B.* “A New Indian Intelligentsia”: Archie Phinney and the Search for a Radical Native American Modernity // Blackhawk N., Wilner I.L. (eds.).

- Indigenous Visions: Rediscovering the World of Franz Boas. New Haven; L.: Yale University Press, 2018. P. 258–276.
- Colombi B.J.* Revisiting Phinney: Sixty-Five Years after “Numipu” // *Journal of Northwest Anthropology*. 2004. Vol. 38. No. 1: Remembering Archie Phinney, A Nez Perce Scholar. P. 97–112.
- Krupnik I.* The Bogoras Enigma: Bounds of Culture and Formats of Anthropologists // *Hubinger V.* (ed.). *Grasping the Changing World: Anthropological Concepts in the Postmodern Era*. L.; N.Y.: Routledge, 1996. P. 35–52.
- Phinney A.M.* Numipu among the White Settlers // *Wicazo Sa Review*. 2002. Vol. 17. No. 2. P. 21–42.
- Price D.* Archie Phinney, the F.B.I., and the F.O.A. // *Journal of Northwest Anthropology*. 2004. Vol. 38. No. 1: Remembering Archie Phinney, a Nez Perce Scholar. P. 21–32.
- Prill-Brett J.* Roy Franklin Barton: His Contributions to Cordillera Ethnographic and Cultural Studies // *Этнография*. 2019. № 1 (3). С. 161–172. doi: 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-161-172.
- Rude N.E.* *Studies in Nez Perce Grammar and Discourse*: PhD diss. / University of Oregon. Eugene, OR, 1985. 325 p.
- Smith J.* Cultural Persistence in the Age of “Hopelessness”: Phinney, Boas, and the U.S. Indian Policy // *Darnell R., Hamilton M., Hancock R.L.A., Smith J.* (eds.). *Franz Boas as Public Intellectual — Theory, Ethnography, Activism*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015. P. 263–276. (The Franz Boas Papers. Vol. 1).
- Stanyukovich M.V.* R.F. Barton, an Outstanding American Anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940 // *Tretyakov Yu.P., Alexandrova N.A.* (eds.). *Russian-American Links: 300 Years of Cooperation*. St Petersburg: Academic Project Publishing House, 2004. P. 34–49.
- Willard W.* Review on “Nez Perce Texts” by Archie Phinney. Columbia University Press, 1934 // *Wicazo Sa Review*. 2000b. Vol. 15. No. 1: The Secular Past, the Mythic Past, and the Impending Future. P. 236–241.
- Willard W.* The Nez Perce Anthropologist // *Journal of Northwest Anthropology*. 2004. Vol. 38. No. 1: Remembering Archie Phinney, a Nez Perce Scholar. P. 5–20.

“Just a Young Tourist in Our Country”: Archie Phinney, a Nez Percé Linguistic Anthropologist

Igor V. Kuznetsov

Indiana University, Bloomington
107 S. Indiana Av., Bloomington, IN, USA
ikuznet@iu.edu

Born in Culdesac, ID, Archie Phinney, a Nez Percé, was the first Native American to receive an undergraduate degree from the University of Kansas. He collaborated with prominent Smithsonian anthropologists J. N. B. Hewitt and T. Michelson as well as the great Franz Boas; visited Leningrad after being invited by Vladimir Bogoras in the context of an academic exchange program; defended his candidate thesis at the Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography (MAE); and returned to serve as an Indian agent in different reservations in the USA. The USSR scholarship of Phinney fell on a difficult yet crucial period in the history of Soviet ethnography, when it was not yet completely closed and remained receptive to the influences of Boas' School. Through Phinney and other American researchers like him, who visited the Soviet Union at that time, the Soviet practice of “indigenization” had a reverse effect on J. Collier's liberal Indian New Deal. Phinney collaborated with the Bureau of Indian Affairs, when the latter was on the Indian Commissioner's post. Today, Phinney's figure again attracts interest after some oblivion. The department of anthropology at the University of Idaho, Moscow, occupies a building named in his honor. The scope of the paper is based on the Boas Paper collection — his correspondence with Phinney, Bogoras, Averkieva, Barton and others, stored at the American Philosophical Society, Philadelphia. The analyzed materials, representing the general atmosphere in the 1930s Soviet academic community, are still little-known to the Russian-speaking reader.

Keywords: Archie Phinney, linguistic anthropology, history of science, Franz Boas, Vladimir Bogoras, Soviet-American contacts, Julia Averkieva, Nez Percé, indigenous minority peoples, Bureau of Indian Affairs.

Acknowledgments

This research is supported by The Russian Science Foundation (Project no. 20-18-00159); the financing organization is The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow.

References

- Alymov S. S., Arzyutov D. V., 'Marksistskaya etnografiya za sem dney: soveshchaniye etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetskikh sotsialnykh naukakh v 1920–1930-e gody' [Marxist Ethnography in Seven Days: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad and Discussions in Soviet Social Sciences in the 1920s and 1930s], Arzyutov D. V., Alymov S. S., Anderson D. G. (eds.), *Ot klassikov k marksizmu: soveshchaniye etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad (5–11 April 1929)]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2014, pp. 21–90. (In Russian).
- Antoshin A. V., 'V borbe za mesto pod solntsem v gody "kholodnoy voyny": russkaya emigrantka Lidiya Nadezhina i amerikanskoe akademicheskoe soobshchestvo serediny XX v. (po materialam Rukopisnogo otdela Biblioteki Kongressa SShA)' [In the Struggle for a Place under the Sun during the Cold War: Russian Emigrant Lydia Nadezhina and American Academic Community in the Mid-20th Century (Based on Materials from of Library of Congress, Manuscript Department)], *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, series 1: *Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Education, Science and Culture], 2012, vol. 107, no. 4, pp. 156–163. (In Russian).
- Averkiewa J., Sherman M. A., *Kwakiutl String Figures*. New York; Vancouver: American Museum of Natural History; University of British Columbia Press, 1992, XXXI+199 pp. (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History).
- Balthaser B., "'Travels of an American Indian into the Hinterlands of Soviet Russia': Rethinking Indigenous Modernity and the Popular Front in the Work of Archie Phinney and D'Arcy McNickle', *American Quarterly*, 2014, vol. 66, no. 2, pp. 385–416.
- Balthaser B., "'A New Indian Intelligentsia": Archie Phinney and the Search for a Radical Native American Modernity', Blackhawk N., Wilner I. L. (eds.), *Indigenous Visions: Rediscovering the World of Franz Boas*. New Haven; London: Yale University Press, 2018, pp. 258–276.
- Colombi B. J., 'Revisiting Phinney: Sixty-Five Years after "Numipu"', *Journal of Northwest Anthropology*, 2004, vol. 38, no. 1: *Remembering Archie Phinney, A Nez Perce Scholar*, pp. 97–112.
- Kan S., "'Moy drug v tupike empirizma i skepsisa": Vladimir Bogoraz, Frants Boas i politicheskiy kontekst sovetskoy etnologii v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh gg.' ["My Old Friend in a Dead-End of Empiricism and Skepticism": Bogoraz, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the Late 1920s — Early 1930s], *Antropologicheskij forum*, 2007, no. 7, pp. 191–230. (In Russian).
- Korsun S. A., 'Issledovaniya po amerikanistike v MAE (30-e gody XX veka)' [American Studies in the MAE (1930s)], Chistov Yu. K., Rubtsova M. A. (eds.), *Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2009 g.* [The Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS in 2009]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2010, pp. 139–144. (In Russian).
- Korsun S. A., *Amerikanistika v Kunstkamere: sobirатели, ekspeditsii, kollektсии* [American Studies in the Kunstkamera: Collectors, Expeditions,

- Collections]. 2nd ed., rev. and enlarged. St Petersburg: MAE RAS Press, 2019, 512 pp. (In Russian).
- Krupnik I., 'The Bogoras Enigma: Bounds of Culture and Formats of Anthropologists', Hubinger V. (ed.), *Grasping the Changing World: Anthropological Concepts in the Postmodern Era*. London; New York: Routledge, 1996, pp. 35–52.
- Kuznetsov I. V., "Schet zim". Vymiranie korennykh amerikantsev i "antropologiya spaseniya" ["Winter Count". *The Extinction of Native Americans and "Salvage Anthropology"*], in 3 vols. Krasnodar: Kuban State University Press, 2018, vol. 3, 346 pp. (In Russian).
- Nitoburg E. L., 'Yu. P. Petrova-Averkieva: uchenyy i chelovek' [Yu. P. Petrova-Averkieva: Scholar and Human], Tumarkin D. D. (comp., ed.), *Repressirovannye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, is. 2, pp. 399–428. (In Russian).
- Phinney A. M., 'Numipu among the White Settlers', *Wicazo Sa Review*, 2002, vol. 17, no. 2, pp. 21–42.
- Price D., 'Archie Phinney, the F.B.I., and the F.O.A.', *Journal of Northwest Anthropology*, 2004, vol. 38, no. 1: *Remembering Archie Phinney, a Nez Perce Scholar*, pp. 21–32.
- Prill-Brett J., 'Roy Franklin Barton: His Contributions to Cordillera Ethnographic and Cultural Studies', *Etnografiya*, 2019, no. 1 (3), pp. 161–172. doi: 10.31250/2618-8600-2019-1(3)-161-172.
- Reshetov A. M., 'Tragediya lichnosti: Nikolay Mikhaylovich Matorin' [The Tragedy of Personality: Nikolai Mikhailovich Matorin], Tumarkin D. D. (comp., ed.), *Repressirovannye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, is. 2, pp. 147–192. (In Russian).
- Rude N. E., *Studies in Nez Perce Grammar and Discourse*: PhD diss., University of Oregon. Eugene, OR, 1985, 325 pp.
- Smith J., 'Cultural Persistence in the Age of "Hopelessness": Phinney, Boas, and the U.S. Indian Policy', Darnell R., Hamilton M., Hancock R. L. A., Smith J. (eds.), *Franz Boas as Public Intellectual — Theory, Ethnography, Activism*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015, pp. 263–276. (The Franz Boas Papers, vol. 1).
- Stanyukovich M. V., 'R. F. Barton, an Outstanding American Anthropologist, as a Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Leningrad, 1930–1940', Tretyakov Yu. P., Alexandrova N. A. (eds.), *Russian-American Links: 300 Years of Cooperation*. St Petersburg: Academic Project Publishing House, 2004, pp. 34–49.
- Willard W., 'Review on "Nez Perce Texts" by Archie Phinney. Columbia University Press, 1934', *Wicazo Sa Review*, 2000, vol. 15, no. 1: *The Secular Past, the Mythic Past, and the Impending Future*, pp. 236–241.
- Willard W., 'The Nez Perce Anthropologist', *Journal of Northwest Anthropology*, 2004, vol. 38, no. 1: *Remembering Archie Phinney, a Nez Perce Scholar*, pp. 5–20.